

АНТИФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИРВИНГА ГОФМАНА

(ГОФМАН И. АНАЛИЗ ФРЕЙМОВ: ЭССЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОГО ОПЫТА:
ПЕР. С АНГЛ. / ПОД РЕД. Г.С. БАТЫГИНА, Л.А. КОЗЛОВОЙ; ВСТУП. СТ. Г.С. БАТЫГИНА.
М.: ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН, 2003.)

.....

Д.М. Рогозин*

После коммунистов я больше всего
ненавижу антикоммунистов.

С. Довлатов

С первых строк «Анализа фреймов» И. Гофман предостерегает читателя от излишних иллюзий и надежд, связанных с прочтением книги. Нельзя переопределить ситуацию собственного непонимания, если уже находишься в нем. Нельзя понять и усвоить идеи Гофмана, если сознание погружено в игру от кого-то подхваченных теоретических описаний. Вселенский оптимизм конструктивизма, ставящий действующего субъекта в основу мироздания (чего стоит одна теорема Томаса), последовательно опровергается на протяжении всей книги. Не определение, а лишь упорядочение ситуации доступно человеку, проживающему в социуме: «Верно, что мы сами активно участвуем в упорядочении нашей жизни, но однажды установив порядок, мы часто поддерживаем его, механически подчиняясь, как будто он существовал вечно» (с. 61). Новые определения ситуации невозможны по прихоти отдельных индивидов или целых сообществ. Вступление их на арену социальных взаимодействий загадочно и непостижимо, потому и прочно укрыто от обыденного, пусть даже называющегося научным сознанием. Только новые определения могут прекратить действия предыдущих (с. 147), человек же здесь — всего лишь инструмент

* Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН; декан факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук. Электронная почта: d.rogozin@list.ru

для взаимодействия, в лучшем случае участник разворачивающейся концептуальной постановки.

В описании обыденного И. Гофман практически всем обязан У. Джемсу, Э. Гуссерлю и А. Шютцу. Однако он не продолжает, а опровергает и фальсифицирует (по К. Попперу) основные постулаты феноменологического подхода. «Анализ фреймов» — это антифеноменология, феноменология от противного, феноменология, вывернутая наизнанку. В ней нет места вере в самостоятельность действующего субъекта, рациональную обоснованность его мотивов и действий. Слишком узок тот регион мира, где субъект планирует и воплощает в жизнь свои планы, т. е. реально действует (по А. Шютцу). Определение реальности в социальных взаимодействиях не может быть приватизировано одним индивидом, пусть даже разделяющим одинаковые представления с десятком себе подобных людей. Придерживающиеся такой точки зрения «забывают пояснить, что повседневность заключается не в том, что индивид ощущает как реальность, а в том, что завладевает им, поглощает и увлекает его; события повседневности можно считать реальными и одновременно нереальными» (с. 66). Основной феноменологический вопрос — «что все это значит для действующего лица?» — заменяется вопросом «что здесь происходит?» (с. 68, 106, 319). Этим понимание реальности выносится за скобки научного предприятия, изучаются лишь обстоятельства, в которых вещам приписывается некая реальность. Безусловно, при ближайшем рассмотрении, такая переформулировка вопроса делает его еще более сложным, если не сказать риторическим: «Основной вопрос социологии Гофмана: “Что происходит на самом деле?”. Но и этот вопрос при анализе форм организации опыта оказывается бессодержательным» [1, с. 21]. Однако он позволяет «соотнести себя с нужным фреймом» (с. 208), т. е. приблизиться к адекватному описанию социальных взаимодействий, наделяемых участниками обыденных интеракций реальностью и очевидностью, понять «что же действительно происходит в повседневном взаимодействии и что означает на языке здравого смысла “настоящая жизнь”» (с. 319). Теоретическая гофмановская схема задает грамматику социального исследования. Ее основной пафос заключается в установлении правил наблюдения за способами достижения «слаженности мира» (с. 543), а не в препарировании понятийных схем, приписываемых обыденному сознанию. Первоочередная задача исследователя — выбор инструмента, адекватного описываемому событию, пусть даже в ущерб логической безупречности получаемого вывода: «на карту поставлен общий вопрос: какую интерпретацию применять и, однажды выбрав ее, продолжать ли применение, причем известно, что потенциально пригодные схемы коренным образом отличаются друг от друга» (с. 390).

Итак, основная идея книги — выделение некоторых базовых систем фреймов, которые используются в обществе для понимания происходящего, и анализ трудностей их применения (с. 70). Ситуации могут прочитываться по-разному, потому составление их списков, пусть даже по самым реалистическим или, напротив, фантастическим критериям, — увлекательное, но не продук-

тивное занятие. Более эвристичный прием — описание условий, благодаря которым становится возможным это разнообразие, всегда конечное и предопределенное контекстом. «Мне прежде всего хотелось бы выяснить, — пишет И. Гофман, — что людям позволено (или предписано) считать своим официальным интересом (предметом участия в ситуации), оставляя за скобками вопрос, что они считают таковым в действительности (с. 269). «Если видимости и “перформансы” становятся предметом рефлексии, в них обнаруживается то, видимостью чего они являются» [1, с. 32]. И. Гофман не просто заимствует у феноменологической школы «постановку вопроса о природе социальной реальности» [2, с. 184], он фальсифицирует базовые принципы феноменологии. Не выходя за пределы предложенного ею инструментария и очерченного круга проблем, он аргументировано доказывает принципиальную недостижимость очевидности — базовый мотив феноменологической редукции.

Первичные системы фреймов

Фрейм, по И. Гофману, имеет двойственную природу. С одной стороны, это согласование некоторого опыта, подчиненное принципам социальной организации событий; с другой — определение ситуаций в соответствии с субъективной вовлеченностью в них (с. 71). «Фрейм используется Гофманом и как синоним “ситуации”, и как синоним “определения ситуации”; это одновременно и “матрица возможных событий”, которую таковой делает “расстановка ролей”, и “схема интерпретации”, присутствующая в любом восприятии» [2, с. 180]. Фрейм — это аналог шютцевского мотива, краеугольный камень всей антифеноменологической конструкции. Как для А. Шютца, чтобы ответить на основной вопрос о понимании, социальные вещи должны быть сведены к человеческой деятельности, которая в свою очередь — к демонстрации для-того-чтобы и потому-что мотивов [4, с. 107], так и для И. Гофмана, вопрос о том, что здесь происходит, требует выделения фреймированных структур, которые «включают в себя как восприятие реальности, так и саму воспринимаемую реальность» (с. 146). Мотив, хотя бы теоретически вынесенный за пределы частного сознания, обогащается структурными компонентами, которые описывают действительную надындивидуальную ситуацию.

Человеческие мотивы хаотичны и запутаны, их практически невозможно анализировать, поэтому Шютц обращается к «типическим мотивам, происходящим в типических ситуациях» [4, с. 106]. Тот же самый прием использует И. Гофман. Огромное количество фреймов включено даже в незначительный по протяженности и значимости поток событий, однако основную роль в организации повседневного опыта играют первичные системы фреймов, позволяющие «локализовать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования» (с. 81). «Речь идет об организованных предпосылках чего-то такого, что человеческое познание осваивает, к чему приходит и чего оно не может создать лишь собственными творческими усилиями» (с. 320).

И. Гофман выделяет природные и социальные системы, противопоставляя мир вещей миру социальных фактов [1, с. 17]. Во-первых, основным фактором, определяющим взаимодействие, является детерминизм, предзаданность внешней по отношению к субъекту цепочки причинно-следственных отношений. Здесь субъект выступает лишь номинальным лицом, вещью, объектом воздействия. Во-вторых, на первый план выходит воля, некое целенаправленное начало, которое можно разложить на мотивы, желания, намерения (с. 81 83, 254). Досадно это или нет, но мир управляется одновременно несколькими системами фреймов (с. 85) и отличить их можно лишь на уровне теоретической схемы, заведомо отказавшись от «реальности» их взаимодействия. Хотя внимание И. Гофмана сосредоточено исключительно на структуре индивидуального опыта (с. 74), организующие его фреймы надиндивидуальны и внеличностны. Только благодаря социально приемлемым, «общепринятым схемам интерпретации, люди способны полностью распознавать то, что они видят» (с. 95), т. е. организовывать индивидуальный опыт. Все разговоры о стороннем наблюдателе — не более чем миф, социальная ситуация, редуцированная до односторонней интеракции. На уровне первичных систем фреймов наблюдатель так же включен в наблюдаемый ряд событий, как и непосредственный участник. «По всей вероятности, мы не можем бросить даже мимолетный взгляд на происходящее, чтобы не применить какую-нибудь интерпретационную схему, с помощью которой строятся предположения о предшествующих событиях и ожидания того, что произойдет сейчас» (с. 99).

Социальная реальность

Понимание реальности формируется на основании первичных систем фреймов: «О реальных, действительных действиях, действиях, которые происходят реально, по-настоящему, на самом деле, говорят в том случае, когда они полностью определены в базовой системе фреймов» (с. 108). Реальность дублирует структуру фреймов — воспроизводит природный порядок и вовлеченность в него некоторого действующего субъекта. Построенная на описаниях реальность предполагает отстраненность от объекта, некоторую паузу в действии. Она не только создается ретроспективно, но и по своей сути ретроспективна. Этим блокируется возможность всяких изменений и преобразований реальности. Реальность — это непревращенная форма понятого обыденным сознанием мира. Если «при феноменологической установке мир вообще не имеет значимости как действительность, но лишь как феномен действительности» [3, с. 95], для И. Гофмана феномен отчуждается от индивида, тем самым опять возвращаясь в действительность, становясь антифеноменом. Любое преобразование реальности сопровождается ее разрушением, которое заканчивается либо переходом к новой первичной системе фреймов, либо временным вынесением за скобки одного из фрагментов существующей.

Искать реальные, истинные описания в драматургических преобразованиях — крайне непродуктивное действие: «Каков участник взаимодействия “на

самом деле” — это в действительности не решающий вопрос. Вероятно, его участникам и не понадобится раскрывать тайну личности, даже если она фактически раскрываема» (с. 383). И. Гофман последовательно отходит от феноменологической постановки вопроса. Его интересуют не особенности нашего представления о реальности, а обстоятельства, в которых они формируются. «При каких обстоятельствах мы полагаем вещи реальными?» (с. 62) — ключевой теоретический вопрос «Анализа фреймов». Отсюда направленность внимания не на описание мотивов и действий, а на механизмы их осуществления. «Розыгрыш, церемониал, выдумка, соревнования, тренировка перед выступлением — это не просто часть реальности, это миры, находящиеся в определенном отношении к миру непревращенных форм действительности. Отсюда перенос внимания с самих форм опыта — рутинных или сфабрикованных — на отношение между ними» [2, с. 185]. Ставшее уже закрыто для познания. Объекту можно приписать сколько угодно качественных характеристик, ни на шаг не приближаясь к его описанию и объяснению. И. Гофману не интересен объект, для него важен инструментарий воссоздания объекта: «Слово “реальность” как само собой разумеющееся можно принимать до тех пор, пока есть возможность установить, чем занят тот, кто говорит о “реальности”» (с. 73). Изучать социальную реальность можно лишь «занимаясь устройством фотокамеры, а не изображением на снимке» (с. 62). Отказавшись от онтологических описаний мира, формально согласованных схем его интерпретации, «И. Гофман открыл новую предметную область — социальную организацию повседневного общения» [1, с. 20], в которое входят общение сослуживцев, участие в массовом опросе, прослушивание публичной лекции, уличная потасовка и прочие самые разнообразные ситуации обыденных взаимодействий. Одним словом, все то, что создает социум, фабрикует социальные определения межличностных коммуникаций, независимо от степени их легитимности и включенности в те или иные институциональные порядки.

Заключение в скобки

Займствованное у Гуссерля понятие скобок помогает установить где заканчивается и начинается фрейм, заставляет уважать и соблюдать его границы [1, с. 47], позволяет наблюдать «деятельность за фреймом» (с. 269–319). Модификация и подстройка фреймовой структуры к ситуациям обыденного взаимодействия достигается благодаря выставлению внешних и внутренних скобок. Одни ограничивают состав наблюдаемого фрейма, другие «отмечают короткие паузы, перерывы в процессе деятельности, переживаемые как время, не входящее в состав фрейма» (с. 335).

В отличие от феноменологической традиции «заключение в скобки» (bracketing) для И. Гофмана — это «обозначение естественных границ эпизодов» (с. 325, 570), а не субъективных границ опытного знания, определяемых самим исследователем. Однако скобки не отделимы от субъекта, наблюдающего за чередой внешних событий. Скобки — эпистемологический конструкт,

зависящий от перспективы и угла зрения, они могут наслаиваться друг на друга, интерпретироваться то в качестве внешних, то внутренних. «Так, ритуал прощания, которым заканчивается день в учреждении, можно рассматривать в качестве внешней скобки в масштабе всего трудового дня, но тот же ритуал одновременно видится и как внутренние скобки в перспективе долговременных трудовых обязательств, например постоянного исполнения определенной рабочей роли, которое прерывается в конце каждого будничного дня, на выходные в конце недели, на праздничные и отпускные дни» (с. 336). Заключение в скобки не может быть произвольным, оно определяется перспективой, а не желанием или волеием теоретизирующего субъекта. И. Гофман указывает на процедуру, подверженную внутреннему и внешнему контролю, обсуждению и фальсификации, а не на интуитивное представление или определение наблюдаемой реальности.

Заключение в скобки определяет не только фрейм, но и элементы опыта, выпадающие из него. Одно позволительно считать важным, другое — лишь второстепенным, не заслуживающим внимания. Каким образом люди в каждом отрезке деятельности отличают важное от второстепенного? Как работает механизм игнорирования, «полного отключения внимания и осознанного контроля» (с. 270)? Чтобы разобраться в происходящем, недостаточно оставаться лишь на границах изучаемых фреймов. Следует понять механизмы их формирования, т. е. выставление внутренних и внешних скобок. Например, исследователь, проводящий массовый опрос, выносит за скобки особенности коммуникации между интервьюером и респондентом, приписывая зафиксированным в анкете ответам некоторое истинное, пусть и урезанное во времени и пространстве описание изучаемого объекта. Так создается концепт искренности, «поддерживается граница очевидности» (с. 288) научного факта, который ничуть не зависит от мотивов включенных в него исполнителей. На вопрос о процедурах контроля и наблюдения за ситуацией интервью, мне не раз приходилось слышать о доверии к людям, их порядочности и честности. Парадоксально, но как фабрикация создается доверием, так ложь — процедурами ее обнаружения. Опять же, не скрывается ли за этой позицией фрейм «как если бы» научного опроса, заставляющий отвернуться от коммуникативной реальности? Никакие повторные замеры, расхождения прогнозов от реальных событий, сопоставление данных, собранных из разных источников, не могут опровергнуть научность опросной технологии. И только наблюдение за первичным взаимодействием между интервьюером и респондентом ставит под вопрос осмысленность всего мероприятия, поскольку подвергает сомнению базовые принципы утвердившегося фрейма, позволяет выйти за когда-то выставленные скобки. Таким образом, формализованные внутренние и внешние скобки опроса сами включаются в неформальные скобки почти обыденного разговора.

Переключения и фабрикация

Заклучение в скобки позволяет оценить масштаб и последствия от преобразований базовых фреймов, без которых не обходится ни одна постановка и которые «заполняют мир множеством копий» (с. 217). Если речь идет о социальных фреймах, обнаружение оригинала — не слишком большая удача, поскольку и копии не менее реальны и действенны.

Первый тип преобразований — переключение с одной структуры фреймов на другую, или настройка системы распознавания образов по отношению к происходящим событиям. И. Гофман выделяет пять основных *ключей**, способствующих проведению преобразований и замещающих одну реальность другой: выдумка, состязание, церемониал, техническая переналадка (целенаправленное преобразование мира, например, тренировка) и пересадка (переход из одной реальности в другую с сохранением всех атрибутов первой, например, благотворительная акция, организованная состоятельным господином в беднейшем городском квартале со своим непосредственным участием) (с. 109–139). Каждое переключение приводит к преобразованию исходного фрейма взаимодействия в нечто новое, лишь отдаленно напоминающее первоначальный аналог. При этом границы фрейма, внутренние и внешние скобки могут стремительно перемещаться и видоизменяться в зависимости от многих причин, которые по привычке объединяют в одно понятие контекста. Фрейм — это динамичная структура, скорость изменения которой задается способностью или привычкой участников взаимодействия переходить от одного фрейма к другому, не забывая при этом расставлять внешние и внутренние скобки. Успех социального исследования зависит не столько от умения его организатора априорно задать границы системы описаний, сколько от наличия процедур, обеспечивающих согласование этих границ с трансформациями первичных фреймов, производимых всеми участниками научного предприятия. Пока не определены способы обнаружения внутренних и внешних скобок, возникающих в первичном фрейме научного проекта, его научность — не более чем фикция, неокантианская конструкция «как если бы» знания. «Конечно, всегда можно просто смотреть на взаимосвязи между переменными, избегая любых интерпретаций того, что действительно происходит в черном ящике этих связей. Однако обычно обойтись без интерпретаций невозможно; за ними скрывается много непроверенных предположений о том, как организовано поведение людей» [5, р. 604]. Так, интервью в качестве фрейма научного действия может инициировать самые разнообразные отрезки переключенной активности, обнаружить которые находясь в первоначальном «научном» фрейме, невозможно. Ситуация усугубляется еще и тем, что интервью является превращенной формой обыденного разговора. Последующие преобразования с превращенными формами, по за-

* Важно отметить, что И. Гофман использует метафору музыкального ключа, а не ключа для открытия какой-либо двери. Отсюда переключение — это не переход к новой реальности, а лишь изменение тональности существующей (с. 105).

мечанию И. Гофмана, проходят гораздо легче и интенсивней, нежели с первичными системами фреймов (с. 141). Остается лишь гадать, куда нас могут увести реальные трансформации казалось бы формализованных интервью.

Второй тип преобразований — фабрикация — протекают по тем же правилам, что и переключения. Они вовсе бы не заслуживали отдельного рассмотрения, если бы последствия от них не расходились с последствиями от переключений. Если в первых преобразованиях ситуация искажается для всех вовлеченных в нее участников (исключение составляют маргиналы, по тем или иным причинам находящиеся в собственной системе фреймов), во вторых — системы фреймов замещаются лишь для одной группы, целенаправленно создающей некоторую фабрикацию действительности. Другими словами, фабрикация сопровождается умышленным созданием у определенной группы людей ложного представления о происходящем (с. 145). Хотя «только фабрикатеры видят, как создается оболочка фрейма», навряд ли можно согласиться с И. Гофманом, что основное отличие фабрикации и переключения заключается в намерениях действующих лиц (с. 146). Скорее, фабрикация определяется последствиями от происходящих преобразований, а не интенциональными различиями ее участников. Не только внешний наблюдатель, но и сам инициатор фабрикации через какое-то время не сможет с уверенностью заявить об истинных мотивах своих действий и будет вынужден произвести фабрикацию фабрикации, в то время как последствия от реализованной постановки более доступны для обозначения аналитических скобок, различению действующих лиц по их системам распознавания и интерпретации произошедших событий. Любое преобразование, поддерживаемое, осмысленно или нет, в качестве скрытого для одной из сторон взаимодействия приближается к фабрикации. Так, не респондент, принимающий участие в интервью, а исследователь, проектирующий массовый опрос, фабрикует общественное мнение, редуцируя многослойную систему взаимодействия до убогой эмпирической схемы. Навряд ли можно подобное действие назвать переключением. Даже когда исследователь искренне верит в непревращенные формы массового сознания, представленные в табличных распределениях, перед внимательным зрителем разворачивается превосходная постановка по фабрикации социальных взаимодействий, авторство которой навряд ли можно приписать ее исполнителям. О непроизвольном, ненамеренном обмане упоминает и Гофман: «Здравый смысл подсказывает, что есть еще одна возможность: человек может обмануться из-за того, что «просто ошибся» (с. 173). И далее: «Есть некоторые основания полагать, что человек разными способами может активно противостоять собственной способности правильно выбирать фрейм и реалистично ориентироваться в мире» (с. 174).

Пределы допустимого

Пограничные состояния, в которых исследуются фреймы, чреватые тысячами опасностей: от легковесной уверенности исследователя в понимании изучаемого предмета до создания самого предмета, его преобразования в удобную

и пластичную вещь. Каждое новое слово, знак препинания, цитата вносят существенные преобразования во фрейм произведения, и автор, не замечая того, начинает воспроизводить уже полностью заданную и оформленную схему. Если в «Представлении себя другим» И. Гофман лишь в конце повествования заявляет о сомнительности проведенного исследования, в «Анализе фреймов» ограниченность любых исследований фреймов постулируется уже во введении. И. Гофман показывает, насколько узки границы метафорического языка, поскольку изображения, фреймы изображений и анализ фреймов изображений — такие же реальности, или копии реальности*, как отображаемые ими реальности. Столь экстравагантным ходом, фальсифицирующим проделанную работу, И. Гофман не только «сохраняет подлинность своей игры в социологию» [1, с. 16], но и делает ее интерактивной, заранее отвечая на претензии в неконцептуальности и непроработанности базовых понятий анализа фреймов. Так, Ф. Джеймсон подчеркивает чрезвычайную важность метафоры «музыкального ключа», однако следом утверждает о ее несостоятельности, поскольку она не приобретает у И. Гофмана концептуального оформления [6, р. 50–51]. Причина столь критической позиции лежит в теоретическом фрейме самого Ф. Джеймсона — поиске «семиотических трансформаций» там, где их может и не быть. Удивительно, этот ответ внимательный читатель может обнаружить уже во введении к «Анализу фреймов».

И. Гофман опровергает базовый постулат методологии социальной науки, сформулированный А. Шютцем — саму возможность придерживаться «чистоты» в методе, т. е. непротиворечивости и согласованности всех теоретических и эмпирических высказываний [4, с. 101]. Любые действия по конструированию непротиворечивой схемы исследования скорее приведут к созданию новой реальности, нежели изучению той, на которую был направлен первоначальный интерес научного сотрудника. Другими словами, социальный ученый не может не действовать, так же, как он не может выйти за пределы описываемого социального мира. Нет никаких гарантий, что даже при самых благоприятных обстоятельствах социальные науки могут заниматься «реальным социальным миром». Единственный способ не впасть в филистерство — это отказаться от претензий к постижению действительного мира и приступить к изучению эпистемических конструкций, направленных на его познание.

Почему незначительные изменения, казалось бы, фоновых знаков зачастую приводят к существенным искажениям и преобразованиям фреймов? Можно ли избавиться от насилия фреймовой структуры обращением ее против себя:

* В. Вахштайн подчеркивает принципиальную неразличимость между копией и оригиналом: «Получается, что между копией и оригиналом нет разницы. Но не потому, что копия — это тоже своего рода оригинал, а потому, что всякий оригинал — не более чем копия. Изображения являются такой же реальностью, как и сама реальность, лишь потому, что никакой другой социальной реальности, кроме изображений, нет» [2, с. 186]. Действительно, любое исполнение на социальной сцене является лишь копией. Здесь вполне уместно гуссерлевское высказывание: «Сколько видимости — столько и бытия» [3, с. 204].

цитированием звездочек и кавычек, повторением уже написанного предложения? Где возникает и чем маркируется разница между деланием и описанием, описанием и комментарием к описанию, комментарием к описанию и комментарием комментария? И так далее до предела реальности, основанной на копиях, в которой текст вытесняет автора на периферию понимания и становится самореферентным*. Только тогда, когда видны пределы допустимого, появляется хоть какая-то возможность понимания фрейма, в котором описывается реальность, основанная на том или ином действии. Однако средств для наблюдения опять не предложено. Исследователь, привыкший работать с экспериментальным материалом, вынужден в очередной раз опустить руки перед ускользающей в никуда реальностью. Перед ним открываются все новые и новые горизонты понимания, достичь которых не в его силах.

Библиографический список

1. *Батыгин Г.С.* Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 7-57.
2. *Вахштайн В.С.* [Рец] Книга о «реальности» социальной реальности: И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003 // Социологический журнал. 2004. № 3/4. С. 178-187.
3. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева; Науч. ред. А.Я. Силин. СПб.: Наука, 2001.
4. *Шютц А.* Социальный мир и теория социального действия / Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Науч. ред. пер. Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 96-113.
5. *Gamson W.A.* [Rev.] E. Goffman. Frame analysis: An essay on the organization of experience // *Contemporary Sociology*. 1975. Vol. 4. № 6. P. 603-607.
6. *Jameson F.* On Goffman's frame analysis // Erving Goffman: In 4 vol. / Ed. by G.A. Fine, G.W. Smith. L.; Thousand Oaks: Sage, 2000. Vol. 3. P. 43-55.
7. *Hazelrigg L.* Reading Goffman's framing as provocation of a discipline // Erving Goffman: In 4 vol. / Ed. by G.A. Fine, G.W. Smith. L.; Thousand Oaks: Sage, 2000. Vol. 3. P. 137-160.

* На самореферентность «Анализа фреймов» указывают многие комментаторы, см. например [6, p. 51; 7, p. 139].